

Евгений Маурин

Венценосный раб

Приключения Аделаиды Гюс

Евгений Маурин

Венценосный раб

«Public Domain»

1899

Маурин Е. И.

Венценосный раб / Е. И. Маурин — «Public Domain»,
1899 — (Приключения Аделаиды Гюс)

«— Нет, что же это такое? – кричал русский посланник на стокгольмском дворе Аркадий Марков, топая ногами и размахивая носовым платком, на котором виднелись причудливо расшитые инициалы «I.A.». – Что же это такое, позвольте вас спросить, а? Аделаида Гюс, занятая в этот момент какими-то счетами со своим секретарем – вашим покорным слугой Гаспаром Тибо Лебеф де Бьевром, – спокойно вскинула на взбешенного Маркова взор зеленоватых кошачьих глаз и ответила с легким ироническим подергиванием хищных губ:– Мне кажется, что это... носовой платок!– Ах, вот как? Носовой платок? Маленький, ничтожный носовой платок, только и всего, не правда ли?– О, нет! Он довольно большой и очень хорошего качества...»

© Маурин Е. И., 1899

© Public Domain, 1899

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	11
IV	14
V	19
VI	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Иванович Маурин

Венценосный раб

Часть первая

Самсон и Далила

I

– Нет, что же это такое? – кричал русский посланник на стокгольмском дворе Аркадий Марков, топая ногами и размахивая носовым платком, на котором виднелись причудливо расшитые инициалы «I.A.». – Что же это такое, позвольте вас спросить, а?

Аделаида Гюс, занятая в этот момент какими-то счетами со своим секретарем – вашим покорным слугой Гаспаром Тибо Лебеф де Бьевром, – спокойно вскинула на взбешенного Маркова взор зеленоватых кошачьих глаз и ответила с легким ироническим подергиванием хищных губ:

– Мне кажется, что это... носовой платок!

– Ах, вот как? Носовой платок? Маленький, ничтожный носовой платок, только и всего, не правда ли?

– О, нет! Он довольно большой и очень хорошего качества...

Марков сделал шеей и ртом какое-то судорожное движение, словно рыба, которую вытащили на сушу.

– Какая наглость! Какое беспримерное бесстыдство! – глухо кинул он с хриплым, прерывистым воем. – Нет-с! На этот раз вы не отделаетесь от меня глупыми шуточками! Я требую ответа и имею право на это, да-с! Слышите: я требую ответа! Что это значит?

– Мне кажется, милейший Марков, это я должна спросить вас, что значит эта глупая, смешная сцена! – с неподражаемым спокойствием ответила Адель.

– Нет, это переходит все границы... Помилуйте, вчера вечером являюсь невзначай – у горничной смущенное лицо. «Барышня нездорова... слегла в постель... сильный жар...». Слышу какой-то шепот в спальне. «Кто же там разговаривает? С кем барышня?» – «Помилуйте, сударь, барышня одна... Это – бред от сильного жара». Я, словно идиот, бросаю утром все дела и лечу сюда, чтобы проведать больную. Вбегаю в спальню... Постель еще не убрана, и из-под подушки торчит вот этот самый платок!

– И что же вы из этого заключаете? – с прежним ироническим спокойствием спросила Адель.

– Что я обманут... подло обманут наглой развратницей. Вы мне изменяете!

Адель лениво потянулась.

– Милый Марков, вы – глупы! – ответила она позевывая, затем встала, не торопясь подошла к Маркову, взяла его под руку и подвела к большому стенному зеркалу. – Ну, посмотрите: вот вы, вот я! Посмотрите на себя! Обратите внимание на эту круглую лысеющую голову, на этот сдавленный лоб, на глуповатые рачьи глаза, оттопыренные уши, словно штопором прорубленный рот, неуклюжий мясистый нос! Посмотрите дальше! Коротенькое, толстое, нескладное туловище, отвислый живот, кривые ноги... Красавец, что и говорить! Ну вот! А теперь взгляните на меня... Ведь я царственно красива, изящна, грациозна. Так, казалось бы, вы должны благодарить судьбу, что она послала вам такую подругу. А вы вместо этого устраиваете дикие, смешные сцены ревности! Да вы только посмотрите, посмотрите на себя хорошенько! Разве

такие мужчины, как вы, имеют право претендовать на верность женщины? Ведь если бы я изменила вам, это было бы только законно и естественно!

Адель выпустила руку Маркова, которую он тщетно выдергивал во время ее иронического монолога, и вернулась обратно на свое место. Казалось, Марков вот-вот задохнется от бешенства. У него покраснели даже белки глаз, он судорожно дергал себя за воротник и тяжело переводил дыхание.

После нескольких секунд молчаливого созерцания распетушившегося дружка Адель невозмутимо продолжала:

– Дурачок! Ты не хочешь понять, что из-за излишней мнительности только ставишь себя же самого в смешное положение. Повторяю, даже если бы я и на самом деле изменяла тебе, это было бы настолько законно и естественно, что тебе оставалось бы лишь «строить веселое лицо при плохой игре». Но тем более нелепо поднимать историю, не имея для этого ни малейших оснований... Да, да, ни малейших, сударь, ни малейших!

– Как! А этот платок...

– Заладил «платок» да «платок»! Чем он тебе так не нравится? Отличный батист и дорогое кружево, придающее ему скорее дамский вид, если бы не величина... А метка! Да ведь она сделана просто художественно! Мне так и представляется любящая сестра, которая перед отправлением брата из родимого замка ко двору сидит ночи напролет над вышиванием. Я уверена, что бедный мальчик будет очень огорчен, когда...

– Мальчик?

– Ну да, мальчик. Ведь «I. A.», это – Иоганн Анкарстрем, тот самый милый паж, который...

– Хорош мальчик! – иронически воскликнул Марков. – Да ему добрых двадцать лет!

– Нет, ему нет и восемнадцати. Но даже если и все двадцать! Вспомни, сколько мне лет! И к этому-то ребенку ты позволяешь себе ревновать меня?

– Но... как же... под подушкой...

– И это гораздо проще, чем ты думаешь. Вчера милый мальчик зашел ко мне под вечер – ведь я при тебе просила его не забывать меня и заходить. Во-первых, я ему очень обязана за его рыцарскую защиту, когда эти ведьмы из рыбацкой деревушки с руганью набросились на меня... Ну, да ты это знаешь! Во-вторых, у меня здесь все еще очень мало знакомых, и порой я очень скучаю; в-третьих, Анкарстрем мне действительно очень нравится. Прелестный ребенок! Сколько в нем внутреннего огня, недетской серьезности, порывов, стремлений...

– Но это не объясняет мне...

– погоди! Анкарстрем посидел у меня около получаса, как вдруг я стала чувствовать себя нехорошо. Я выпроводила его и пошла к себе переодеться. Одев капот, я вернулась в будуар и вдруг заметила на ковре платок. Очевидно, мальчик уронил его. Я подняла платок и положила на этажерку рядом с собой, а сама взяла книгу и стала читать. Но с каждой минутой мне делалось все хуже: то меня знобило, то вдруг мне становилось так жарко, что пот крупными каплями выступал на лбу. Очевидно, по рассеянности я стала вытираться платком Анкарстрема и, зажав его в руке, машинально унесла в спальню. Вот и все! Не правда ли, как просто развеиваются все призраки, созданные твоей ревнивой фантазией?

Марков, мрачно шагавший взад и вперед по комнате, остановился перед столом, у которого сидела Адель, оперся на него обеими руками и глухо сказал:

– Да, это просто, Адель, просто и правдоподобно... даже слишком просто, слишком правдоподобно, чтобы быть вероятным! Но... я должен сложить оружие! Я внутренне чувствую, что ты нагло обманываешь меня, но что я могу поделать? Пусть в данном случае я попал на ложный след, пусть Анкарстрем – только забавный ребенок для тебя, но внутренне я убежден, что есть какой-то другой «стрем», «стиерн», «гаупт» или «гильм», с которым ты смеешься над моей слепотой и доверчивостью! И берегись, Адель! Тоньше играй в свою недостойную игру!

Помни, что я уже в силу своего положения не могу позволить ставить себя в смешное положение. Не думай и того, что я допущу открытую измену, что я позволю тебе в случае разрыва между нами броситься в чьи-либо другие объятия здесь! Каковы бы ни были отношения между Швецией и Россией, но русский посланник – слишком большая величина, которой нетрудно будет добиться высылки особы порочного поведения! И если ты не чувствуешь себя в силах отказаться от обычной для тебя разнузданности, то лучше не доводи дела до открытого скандала, а добровольно уезжай отсюда. Помни это, Адель! Ну а теперь я спешу. До свиданья!

Он бросил платок Анкарстрема на стол, сделал резкое движение головой, которое должно было обозначать прощальный поклон, и быстро вышел из комнаты.

II

Адель с ироническим презрением смотрела вслед Маркову. Когда в конце коридора смолк шум его шагов, она взяла в руки платок, мельком взглянула на него и обратилась к секретарю:

– Ну, Гаспар, что ты думаешь обо всем этом?

– Гм... думаю, что в известных случаях жизни платки без метки гораздо удобнее платков с метками!

Адель рассмеялась.

– Bravo, братишка, ты делаешь значительные успехи! Ты уже не морализируешь, не пылаешь сдержанным негодованием, не смотришь на меня так, словно вот сию минуту меня испепелит огненный дождь, а спокойно подходишь к вопросу с разумной стороны. Bravo, bravo!

Секретарь грустно посмотрел на свою госпожу.

– Помнишь, Адель, как ты крикнула мне: «Чтобы я больше не слыхала от тебя слова «я»! Тебя нет, помни это! Существует только машина, которая будет...»?

– Фу, какой ты злопамятный! Мало ли что может сказать женщина, когда она встала с левой ноги? Милый мой Гаспар, женщинам потому только и прощают так много, что с ними нельзя серьезно считаться!

– Да разве я к тому, Адель. Поверь, у меня так пустынно в душе, что там нет места никаким сильным чувствам. Я напомнил тебе твою фразу вовсе не для того, чтобы посчитаться с тобой. Я просто объясняю тебе, как произошла во мне та перемена, которую ты отмечаешь. Ведь действительно было бы просто смешно, если бы я еще стал моралистом в своем теперешнем положении! Это положение само по себе настолько находится вне морали, что слово «мораль» звучало бы даже дико в моих устах. Нет, оставим это... Кто я такой? – секретарь Аделаиды Гюс, живущей любовью. На моей обязанности лежит учитывать практическую сторону этого существования, помогать Аделаиде Гюс всем своим практическим опытом и юридическими знаниями, чтобы она могла извлечь для себя из жизни как можно больше. Только и всего... Что думает обо всем этом Гаспар Тибо Лебеф де Бьевр, как он относится к происходящему – совершенно не важно. Важно лишь знать мнение секретаря девицы Гюс...

– И в качестве такового ты и выводишь мудрое заключение о превосходстве платков без метки?

– Совершенно верно. Я нахожу, что ты вообще стала в последнее время неосторожной и нерассудительной.

– Да я, что ли, оставила этот платок?

– Нет, но ты вступаешь в интимные отношения с мальчиками достаточно неопытными, чтобы сделать это! Я вообще не понимаю этого каприза. Он – мальчик, ты – зрелая женщина.

– Может быть, именно поэтому.

– До сих пор ты руководилась не чувством, а рассудком.

– И интересом тоже, Гаспар! Ах, ты не можешь себе представить всю наивную прелесть, которую дает общение вот с такими молодыми существами! Это божественно! Ощущать, как для тебя первой раскрывается причудливый цветок чувства, впивать в себя первый лепет впервые всколыхнувшейся страсти... Пусть там, впоследствии, придут другие, пусть впоследствии явятся бури зрелой страсти, покой брачного очага – все равно, того, что имела я, сорвавшая нежный цвет пробуждающейся зрелости, не будет иметь от него более никто и никогда!.. А потом, они такие смешные, эти мальчики! Возьми хоть Анкарстрема. Он говорит, пламенеет, рвется: весь он полон неистойвой страсти. Он готов опрокинуть весь мир только, чтобы схватить меня в свои объятия. А чуть утолилась жажда, он хватается за голову и с ужасом говорит: «Меня мучит сознание, что мы делаем что-то дурное!» Но стоит мне подойти к нему,

стоит мне прижаться в нежном лобзании, и он опять горит и пламенеет, опять отброшены в сторону сомнения и угрызения... Анкарстрем и вообще-то – удивительно интересная натура. В нем чувствуется какая-то вечная борьба двух начал. Несмотря на молодость, он уже терзается религиозными сомнениями, политическими разногласиями. Это удивительно необузданная натура; она одинаково может превратиться впоследствии и в великого государственного деятеля, и в преступника! Ах, а вообще, какие смешные, милые, забавные эти пажики!

– Но у них имеется дурная привычка разбрасывать платки с метками! Смотри, Адель, погубит тебя когда-нибудь вот такой милый пажик с платком!

Ах, если бы знали и госпожа, и ее секретарь, насколько пророческими окажутся их слова!.. Госпожу действительно погубил вот такой «милый пажик» с платком, а Анкарстрем действительно оказался преступником большого калибра¹, как предрекала госпожа!

Но в данный момент слова де Бьевра совершенно не произвели желаемого действия на Гюс.

– Ну, ну! – рассмеялась она. – Авось пронесет Господь! Мужчины в общем – порядочные дураки, и обойти их не так-то трудно! Уж вывернусь как-нибудь... Но мы значительно отклонились от темы. Когда я спросила тебя, что ты думаешь обо всем этом, я совершенно не имела в виду самой истории с платком. Анкарстрема я выдеру за уши, и делу конец. Но как тебе нравится этот пузырь Марков? Да он совсем от рук отбил! О, такие сцены происходили у нас не раз, – ты это знаешь! – но каждый раз бывало, что он быстро спадал с тона и первый начинал просить прощения, в конце концов сознавая в необоснованности обвинения... А теперь... Как тебе понравились его слова? Ведь он и в самом деле способен наделать мне неприятностей!

– Но ведь я уже сказал тебе, Адель, что пажики не доведут тебя до добра. Раз ты так дорожишь жизнью с Марковым, тебе следует...

– Ах, ты ровно ничего не понимаешь, Гаспар! Ведь должен же ты вспомнить, ради чего я сошлась с Марковым, ради чего терпела и терплю около себя эту подлую образину! Марков – лишь ступень, по которой я решила добраться до этого венценосного шута, торжественно именуемого Густавом III! Не думай, пожалуйста, что его угроза выслать меня в случае разрыва имеет хоть какие-нибудь основания. Этого ему никогда не добиться! Да и дойди до этого дело, я сумею доказать, что красивая женщина сильнее русского посла. Но Марков сам не понимает, что тем не менее его угроза очень серьезна. Густав только потому и отказался от меня, что до него дошли слухи о частой перемене моих дружков. Следовательно, всякий скандал в этой области может только отдалить, а то и окончательно лишить меня возможности приблизиться к намеченной цели. Тем более дело осложнится, если хотя бы только возникнет вопрос о моей высылке за пределы Швеции!

– Но если дело обстоит так, то тебе тем более надо воздержаться.

– Да не говори ты хоть глупостей, Гаспар! Представь себе, что тебя посадили перед накрытым столом и говорят: «Воздержись от пищи, и тогда ты получишь миллион!» Конечно, если ты жаждешь этого миллиона, то ты проголодаешь и день, и два, и даже три, быть может. Но обещай тебе хоть все блага мира, ты все-таки не выдержишь неопределенно долгого времени! Вот так и я... Конечно, знай я, что мне нужно терпеть только какой-нибудь месяц, и Густав будет моим, то я и думать не стала бы. Пажики от меня не ушли бы... Но весь ужас в том, что могут пройти и год, и два, пока я добьюсь своего. Все мои попытки до сих пор терпели крушение – вечно вмешивается досадный случай. Я нарочно достала в театре ложу рядом с королевской, и в этот день Густава в театре не было. И вот так бывало несколько раз... А как хорошо пошло дело с первых шагов! Помнишь, и двух недель не прошло со времени нашего

¹ Иоганн Анкарстрем 16 марта 1792 года нанес шведскому королю Густаву III смертельную рану, выстрелив в него из пистолета на костюмированном балу в опере. Причины, толкнувшие Анкарстрема на этот шаг, были как политического (ограничение королем власти знати), так и личного характера. С ними читатели этого романа познакомятся из дальнейшего.

приезда в Стокгольм, как я встретила в парке с королем. Он даже остановился от неожиданности, покраснел, смутился. Он хотел заговорить со мной, но я сделала вид, будто не замечаю этого желания, и с гордым кивком пошла дальше. Встретяся я с ним на другой, третий день, и дело сразу пошло бы на лад... О, я добила бы своего! Но мне не представляется случай действовать. Я рассчитывала, что мне удастся устроить два-три гастрольных спектакля в здешней французской труппе. Так надо же было случиться такому несчастью, что режиссером здесь Дешанель, с которым у меня было столько неприятностей, что на мои роли у них уже имеется Госсю и что в составе труппы находятся такие влиятельные актрисы и мои личные враги, как старая ломака Белькур и проныра Флери. А ведь дай мне только случай выступить на сцене, и Густав снова будет моим. Да, вот не везет, так не везет!

– Но, Адель, тем более...

– Ах, что там «тем более»! Что же мне от скуки лопнуть, что ли? Ты только подумай, какую скучную жизнь я веду здесь! Это ведь не Россия, да и не Франция. Такого милого, приятного общества, как там, тут не найдешь. Развлечений никаких. Шведский театр слаб, да и неприятно высидеть пьесы из чуждой жизни на плохо понимаемом языке. Во французский театр я нарочно не хочу ехать. Марков мне надоел до ужаса. Приятелей у него почти нет, так как его не любят ни в обществе, ни в дипломатическом корпусе. Изредка разве привезет он ко мне каких-то дикарей. Да и то, чем они занимаются? Ни забавного разговора, ничего. Напьются, как свиньи, только и всего... Господи, да я даже за чтение взялась от скуки – куда уж дальше идти! И я еще должна отказываться от таких невинных развлечений, как игра в любовь с пажиками?

– Но если это так, то не лучше ли нам уехать отсюда и попытать счастья в другом месте?

– Нет! Я не уеду отсюда, не восторжествовав над этим... О, он осмелился отвергнуть меня, я для него недостаточно нравственна! Ну, так погоди же!.. А потом, милый Гаспар, помимо вопроса самолюбия здесь и чисто практические соображения. Ведь ты-то знаешь, что мне уже тридцать пять лет! Тридцать пять лет, Гаспар! Ведь уже двадцать лет я живу жизнью женщины! Надолго ли меня хватит? Я теперь в самом опасном периоде. Я могу продержаться и пятнадцать лет, но легко может случиться, что года через четыре я вдруг проснусь увядшей и постаревшей. Конечно, я не сдамся старости без боя, я сумею придать себе обаяние молодости. Но... это уже будет не то, с этим уж нехватишь жирного кусочка. Мне пора обеспечить себя, а это обеспечение может дать только такой простофиля, как Густав Шведский! И он не уйдет от меня, я чувствую это, Гаспар! Мне не везло в последнее время, но теперь – я верю этому! – с минуты на минуту счастье постучится ко мне в дверь!

Не успела Адель сказать эти слова, как в дверь громко постучали.

III

И Адель, и ее секретарь не могли не вздрогнуть в этот момент. Далекое от суеверия, они тем не менее были поражены этим стуком, так совпавшим с последней фразой Адели. Ведь бывают в жизни такие совпадения, которые кажутся по своей разительности окруженными мистическим ореолом. Да и полно, только ли совпадением бывает это. Или рок, судьба, или как там ни назови таинственное сцепление элементов бытия, время от времени доказывают человеку его зависимость от высших законодательных сил мироздания?

Словом, как бы то ни было, но далекое от суеверия Адель и ее секретарь были настолько поражены этим стуком, что в первый момент не смогли вымолвить ни слова.

Стук повторился.

– Войдите! – крикнула наконец Адель.

Вошла Роза, камеристка и наперсница Адели, с редкой для прислуги искренностью связанная к своей госпоже.

– Простите, барышня, – сказала она, – тут пришел месье Дешанель из французского театра. Он велел передать вам, что очень просит, как милости, разрешения переговорить с вами!

Адель густо покраснела, затем побледнела. Неизвестно зачем, она взяла с этажерки вазу и переставила ее на стол, поправила прическу, взяла вазу и переставила ее обратно на этажерку.

Затем, на вид спокойным, но подозрительно глухим голосом она сказала:

– Попросите месье Дешанеля войти... Проведите его в гостиную!.. А вы, месье де Бьевр, потрудитесь пока принять гостя и извиниться... Я не одета... Я сейчас же выйду.

Анри Дешанель был мужчиной лет сорока пяти, плотным, хорошо сложенным и вполне приспособленным для роли любовников как в жизни, так и на сцене. Только с одной разницей: на сцене он неизменно был первым любовников, а в жизни... последним, так как злые языки окружили его эпитетом «утешителя старости». При этом он был очень милым человеком в обществе, умел держать себя, обладал большим запасом анекдотов и остроумия и не менее большим запасом самообладания и наглости.

Секретарь девицы Гюс был не из разговорчивых, а потому время, пока не появилась Аделаида, прошло довольно томительно, хотя Дешанель и старался болтать как можно непринужденнее о разных безобидных пустяках.

Но вот дверь открылась, и на пороге показалась Адель.

– Дешанель! Вы... и у меня? – воскликнула она, приветливо протягивая руку врагу. – Поистине, должно быть, свет перевернулся!

Дешанель при появлении Адели упал на одно колено и, почтительно поцеловав ее руку, напыщенно воскликнул:

– Божественная! Бей, но выслушай!

Лицо Адели сразу стало серьезным.

– Я нужна вам Дешанель, я вижу это! Ну, так бросьте паясничать, встаньте, присаживайтесь и поговорим! В чем дело?

Они сели друг против друга, и Дешанель приступил к изложению дела. О, он знает, что он лично очень виноват перед Аделью. Но ведь в их театральном мире не редкость, когда два человека, имеющих полное право рассчитывать на взаимное уважение, вдруг ни с того, ни с сего начинают враждовать, осыпать друг друга самыми грязными обвинениями!.. А из-за чего все это? Только из-за того, что нервы у них, артистов, слишком истрепаны и не могут подойти под общую мерку.

– К делу, Дешанель, к делу! Я давно знаю, что в тех случаях, когда человек нужен, нуждающийся находит тысячу сладких, извинительных слов... Мы – старые знакомые! Приступайте к делу!

Ну да, к делу... Конечно, божественная Гюс может отказать, но он, Дешанель, позволит себе почтительнейше заметить, что в данном случае на карту поставлена честь корпорации, даже больше – национальная честь, черт возьми!

Дело в следующем. Как-то на одном из придворных вечеров его величество король Густав поспорил с его высочеством герцогом Зюдерманландским относительно художественных достоинств шведской и французской драм. Ну... передавать их доводы за и против вряд ли стоит. Важно то, что спор было решено разрешить чисто практическим путем. Сегодня в шведском театре должна идти какая-то трагедия с таким варварским именем, которого не произнесешь, не изломав себе языка, а завтра – во французском «Заира». И вот судьи должны вынести свой приговор.

Ну-с, что же! Риск не велик. Вся-то шведская трагедия родилась, можно сказать, вчера, а французская – слава Богу – существует уже достаточно времени. Но недаром говорят, что «человек предполагает, а Бог располагает». Сегодня вдруг выяснилось, что Госсю играть не может, а заменить ее некем. Значит, играть завтра нельзя. Но ведь это будет, наверное, сочтено уклонением от состязания. Боже мой! Вся кровь вскипает при одной мысли, что французских артистов могут заподозрить в желании уклониться от соревнования. Да что поделаешь, раз обстоятельства так складываются? И вот вся труппа постановила: командировать Дешанеля к Гюс, которая одна только может спасти честь французского театра.

– А что же случилось с Госсю? – спросила Адель.

– Нечто весьма для нее неожиданное: Госсю готовится стать матерью, и этот период протекает для нее так болезненно, что...

– Госсю готовится стать матерью? – смеясь переспросила Адель. – Вот уж чего никто не мог ожидать от нее! Кто же счастливый папаша?

– Этого не знает никто!

– А что говорит сама Госсю?

– На все расспросы она отвечает: «Ах, право, не знаю! Ведь я так близорука!»

Гюс рассмеялась.

Дешанель весело вторил ей, а затем сказал:

– Ну да! Теперь я смеюсь, но в первый момент мне было далеко не до смеха. Вы можете быть какого угодно мнения обо мне как о человеке, но что я искренне люблю свое дело, что я страстно предан родному искусству, этого не отнимет у меня и злейший враг. То же самое я могу сказать и о вас. Когда выяснилось, что Госсю ни в коем случае играть не может и что в такой короткий срок мы не можем подготовить ничего другого – да ничего другого и поставить нельзя, потому что шведская пьеса, которая идет сегодня для соревнования, написана приблизительно на тот же сюжет, – ну-с, так вот, когда все это стало ясно, то я сразу сказал: «Ребята, дело наше еще не пропало, нас выручит Аделаида Гюс». Когда же кто-то из группы высказал предположение, что Гюс захочет свести теперь счеты, я прямо сказал: «Дети мои, не болтайте глупостей! Гюс – прежде всего большая артистка, и этим все сказано!»

– Спасибо за комплимент! – сказала Адель с иронической усмешкой.

– О, это – не комплимент! – спокойно возразил Дешанель. – Впрочем, не будем тратить время на слова. Я знаю, вы будете играть, потому что не захотите покинуть в беде товарищей!

– Ну, эти «товарищи» выказали мне еще недавно очень мало товарищеских чувств!

– И все-таки вы будете играть, Гюс, я знаю это! Я знаю, что там, где на первый план выдвинут вопрос торжества родного искусства, все остальное отходит для вас далеко назад. И пусть все мы очень виноваты перед вами, пусть даже эта гастроль не представит для вас никаких выгод, пусть вы будете знать, что уже на другой день после того, как вы окажете эту

бесценную услугу, труппа по-прежнему повернется к вам спиной, – все равно вы будете играть, потому что вы Аделаида Гюс! Но этого не будет, мы не допустим, чтобы вы оказались великодушнее нас. Поэтому вот! – Дешанель встал, взял с ближайшего стула положенный им при входе маленький портфель и достал оттуда две бумаги. – Сначала вот это! Здесь вся наша труппа обращается к вашей помощи, Гюс, и сознается в своей неправоте перед вами. А вот это – контракт, Гюс, который вам стоит только подписать, чтобы занять первое место в нашей труппе. Взгляните на условия: вы увидите, что я предоставляю вам все права и преимущества, какие только могу в силу своих полномочий. Ну, что же вы скажете, Гюс? Согласны вы?

Адель встала. На ее лице отразилось глубокое, с трудом сдерживаемое волнение, и ее голос слегка дрожал, когда она ответила:

– Да, вы правы, Дешанель, я согласилась бы играть даже и в том случае, если бы не было ни этого лестного обращения, ни этого выгодного контракта. Я не нашла бы в себе сил отказать товарищам в беде. Передайте всем, что я глубоко тронута, благодарна и с удовольствием принимаю предложение. Но я должна поставить одно условие: пусть ни одна душа не знает о том, что я буду играть. Можете анонсировать о замене перед самым открытием занавеса, но до того мое выступление в «Заире» должно оставаться в строжайшей тайне!

Дешанель с чувством поцеловал руку Адели.

– У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас! А теперь позвольте мне удалиться: вся наша труппа собралась в театре и с трепетом ждет, какой ответ я привезу. Поспешу успокоить их, что честь французского театра спасена!

Когда Дешанель ушел, Адель взволнованно сказала:

– Предчувствие не обмануло меня – счастье действительно постучалось ко мне в дверь! Ты только подумай, Гаспар, как все удивительно хорошо складывается. Во-первых, я выступаю неожиданно и при исключительно выгодных обстоятельствах; во-вторых, теперь я вошла в состав труппы, и никакой Марков не страшен мне! Я дождалась, Гаспар, дождалась! Ну, теперь посмотрим! – Она повернулась, чтобы уйти, но в дверях снова остановилась. – Пожалуйста, Гаспар, кто бы ни пришел, я никого не принимаю! Эти два дня я работаю над ролью!

IV

– Имею честь довести до сведения почтеннейшей публики, что по болезни госпожи Госсю роль Заиры исполнит госпожа Гюс!

В публике пробежал тот неопределенный рокот, которым зрители обыкновенно встречают известия о безразличных для них переменах исполнителей. Театралы знали, что Гюс – известная трагическая актриса, но и к Госсю в Стокгольме относились очень хорошо, хотя и не настолько, чтобы уж очень сожалеть о ее замене. Поэтому анонс был принят вполне равнодушно.

Только два человека были поражены этим известием. Это были посол Марков и король Густав. Последнего до такой степени взволновало это, что его состояние не укрылось от Софии Магдалины, его болезненной, некрасивой и очень ревливой супруги.

– Болезнь госпожи Госсю, кажется, очень взволновала ваше величество? – с ядовитой иронией сказала она. – Кстати, правду ли говорят, что она готовится стать матерью? Вашему величеству это должно быть хорошо известным; недаром же вы так много и часто бываете за кулисами!

Густав с нескрываемым изумлением обернулся к королеве, но сейчас же опять отвернулся, небрежно пожав плечами и затаив внутреннюю усмешку. На этот раз ревность королевы направилась по ложном следу.

Но вот послышались три мерных удара, и занавес плавно раздвинулся.

Затаив дыханье, король откинулся в угол и с напряженным вниманием впился лихорадочным взором в сцену, полузакрываясь складками портьеры.

Перед зрителями был убранный с восточной пышностью сераль иерусалимского судана. Утопая в шелковых подушках, две рабыни – Фатъма и Заира – ведут разговор. Плавно льются дивные стихи Вольтера, выражая удивление грациозной Фатъмы.

Ужель Солим милее вам сенских берегов?

И в ответ ей раздается такой мечтательный, такой завораживающий, пленительно-томный голос, что в зале сразу воцаряется мертвая тишина, а Густав чувствует, как вся его душа уплывает куда-то далеко, за берега сознания, увлекаемая безудержным потоком возвращающейся страсти...

Могу ль желать того, чего не знаю я?
На этих берегах прошла вся жизнь моя...

Неубедительными кажутся Фатъме доказательства Заиры. Как, ведь еще недавно... А тот рыцарь, Нерестан, который отправился во Францию доставать средства на выкуп пленников-христиан? И чем дальше льются ответы Заиры, тем все более растет недоумение ее подруги. А, так Оросман, их повелитель, любит Заиру? Неужели...

Нет, не жертвой минутного каприза избрал Оросман Заиру, а своей законной женой хочет он сделать ее.

Но ведь Заира родилась христианкой, а теперь она готова стать женой победителя ее единоверцев?

И снова мечтательной томностью дышит ответ Заиры. Вдруг волна страсти подхватывает ее, зной всежигającego чувства развеивает эту томность, и палящим вихрем сирийской пустыни несется в зал от сердца к сердцу ее свистящий шепот. Ведь она любит Оросмана и ради этой любви готова пожертвовать всем, даже верой.

Объятая страстным волнением Заира вскакивает, подходит к рампе и, упав на колени, простирая руки туда, где из-за складок портьеры королевской ложи на нее смотрит пылкий взор чьих-то восторженных глаз, она, задыхаясь от страсти, говорит, что ее взор видит только возлюбленного повелителя, созерцание которого наполняет ее душу невыразимым блаженством. И что-то больно колет Густава в сердце, когда жалобной укоризной льется признание Заиры: ведь не корона Оросмана привлекает ее, а он сам, и лишь человека, не государя, боготворит она в нем.

Не успел сомкнуться занавес, как Марков встал со своего места и поспешно направился к выходу. Пробираясь за кулисы, он слышал, как буря восторгов разразилась в зале. Гюс имела подавляющий успех, и даже ее товарищи по сцене должны были признать, что артистка сумела вознести трагедию на трудно достижимые высоты искусства. Игра Гюс была даже не высокохудожественной интерпретацией, а нарастающим вихрем безумия, способным все закрутить и увлечь в своем неистовом стремлении. Со многим из ее игры нельзя было согласиться. К чему это коленопреклонение у рампы? Откуда эта страстная тоска, временами пронизывавшая ее признания? И все же это было так прекрасно, так увлекательно, что критика должна была отступить на задний план.

Марков сознавал это и потому особенно негодовал. Смутные, не вполне оформленные подозрения роились в нем. Ведь что-то было у Адели со шведским королем еще в Париже? Да, да! Русский посол в Париже подробно докладывал Панину о том, в какой обстановке Густав получил известие о смерти короля-отца! Уж не потому ли Адель, никогда не выказывавшая ему, Маркову, особенной склонности, приняла его предложение, как только выяснилось, что он будет отправлен в Стокгольм? Да, это было очевидно! Она затеяла интригу за его спиной; обнимая его, она в то же время ковала планы измены и предательства!

Конечно, если Адель и уйдет от него, жалеть об этом не приходится. Она надоела Маркову своей расточительностью, лживостью, капризами. Но было слишком чувствительно самолюбие, что не он первый оттолкнул ее, а она ушла сама, и вот поэтому-то это удачное выступление и было так неприятно.

Но, может быть, Адель не руководилась в данном случае никакими тайными планами? Ну, нет! Достаточно было видеть волнение короля, когда она с такой наглостью упала на колени, обращаясь к королевской ложе! Надо было спасать свое положение. Сию же минуту он объяснится с ней и оттолкнет ее от себя. Правда, после этого успеха разрыв не будет так чувствителен для Адели, как он мог бы казаться еще неделю тому назад. Но все же лучше сделать самому первый шаг, чтобы сегодня же в кругу знакомых объявить об «отставке», данной им своей возлюбленной. Все-таки первым окажется он!

Думая все это, Марков пробирался за кулисами, направляясь к уборной Адели. У двери уборной он почти столкнулся с нею. Адель взглянула на него безразличным, отсутствующим взором и вошла в уборную. Марков последовал за нею. Скрестив руки, он остановился посредине комнаты, в то время как Адель, совершенно не обращая на него внимания, села к туалетному столу и принялась подправлять кое-где грим.

– Адель, что это значит? – начал Марков, нахохлившись, словно рассерженный воробей. – Этому просто имени нет! Да как же ты решилась поставить меня в такое нелепое положение? Во-первых, это выступление на сцене не только без моего согласия, но даже и без всякого уведомления. Потом эти неприличные выходки... а как же вы осмелились, сударыня, пользуясь моими милостями, моим великодушием, моей щедростью, так открыто предлагать себя на глазах у всей публики?

Адель мельком посмотрела на него через плечо; ничего не отвечая, она взяла со столика тетрадку и принялась перечитывать роль.

– Я требую ответа! – взбешенно крикнул Марков, топая ногой.

– Пошел вон отсюда, дурак! – спокойно ответила Адель, не отрываясь от роли.

В дверях послышалось ироническое покашливание. Марков обернулся: там стояли король Густав и герцог Зюдерманландский.

– Здравствуйте, здравствуйте, ваше превосходительство! – сказал король, небрежно отвечая кивком головы на почтительный поклон посла. – Вы, кажется, собрались уходить? Так мы вам не мешаем! Посторонитесь, милый герцог, вы стали на пути его превосходительства!

«Ах, вот как! – с бешенством подумал Марков, выходя из уборной. – Дело-то пошло действительно на лад? Так вы ошибаетесь в расчетах, ваше величество! Погоди и ты, подлая змея! С позором будешь ты изгнана из Швеции и вспомнишь тот час, когда доставила мне это новое унижение!».

Он поспешил разыскать одного из атташе, бывшего тоже в театре, и приказал во что бы то ни стало, какой бы то ни было ценой достать грандиозный и роскошный букет. Затем он написал на своей карточке несколько слов. Он приветствовал Адель, как великую, недосыгаемую актрису, и извинялся за свою грубость, оправдываясь нервным состоянием, в которое его привела потрясающая игра Адели. И собственное нервное состояние заставило его забыть о нервном состоянии артистки, только что пережившей ряд сложных чувств и готовившейся к переживанию новых.

Распорядившись, чтобы букет с запиской подали Адели после третьего акта, Марков отправился дальше. В фойе он выразительно посмотрел на господина, стоявшего у окна в полной достоинства позе и лениво посматривавшего на проходивших дам. При этом Марков провел рукой по кружевным жабо, как бы проверяя, все ли в порядке, и сейчас же направился к длинному столу, за которым хорошенькая шведка продавала прохладительные напитки. Через минуту господин, стоявший у окна, тоже подошел к буфетному столу и стал рядом с Марковым. Тогда последний, не оборачиваясь к соседу и почти не шевеля губами, сказал:

– Сейчас же окружите дом Гюс людьми. Перед окончанием спектакля сядете в мою карету. Нам нужно поговорить.

Господин методически допил бокал лимонада и прежней ленивой походкой вышел из фойе.

«Ладно! – думал Марков. – Так скоро вы еще не споетесь, а тем временем я успею застать эту подлую змею с каким-нибудь франтом и произведу такой скандал, что небу станет жарко! А тогда получайте, ваше величество, выгнанную из дома в одной рубашке неверную любовницу русского посла!»

В первый момент появление короля сильно смутило Адель: она не ожидала такого быстрого результата. Но король и сам был явно взволнован, сам старался скрыть под маской шутиливой снисходительности свое смущение, так что Адель имела время оправиться и овладеть собою.

Как объяснил король, он привел к ней побежденного – того самого дерзкого, который осмелился утверждать, будто шведская трагедия стоит теперь не ниже французской. О, конечно, шведское искусство стоит очень высоко, но может ли оно равняться с тем, у которого существуют Вольтер и Гюс? Правда, когда он спорил с братом, участие Гюс не имелось в виду, а это ведь – большой козырь. Но... победителей не судят! Словом, вопрос складывается так: в споре с братом победителем оказался он, Густав, так как герцог признал себя побежденным уже после первого акта; но в этой победе решительное значение имела Гюс, а потому он счел себя обязанным прийти поблагодарить ее и привести с собой побежденного.

Оправившись от нежного смущения, Адель с бесконечно ледяной вежливостью ответила на дифирамбы короля. И эти ледяные ответы действовали, словно капли масла на костер. Шутливая снисходительность все более исчезала из тона Густава; все больше и больше прорывалась в нем затаенная страсть. Наконец, прервав на середине какую-то запутанную фразу, он сказал:

– Однако мы злоупотребляем терпением дивы! Ведь божественной Гюс надо приготовиться к следующему акту... Пойдем, герцог, мы еще найдем время выразить нашей славной актрисе всю полноту обуревающих нас чувств! – Густав взял брата под руку и направился с ним к двери. Но на пороге он остановился и самым естественным голосом воскликнул: – Ах, кстати... Идите, идите, герцог, я сейчас последую за вами!

Герцог, поклонившись, вышел.

Густав прикрыл за ним дверь и вернулся в комнату. Подойдя совсем близко к Адели, он сказал:

– Я только что говорил вам, будто пришел победителем... Нет! Солгал я... Победенным, не победителем пришел я сюда! Ах, Адель, что вы сделали с моим сердцем! Оно опять полно только вами, опять только к вам одной рвется оно каждым биением! И в то же время...

Он замолчал, закрыв лицо руками.

Молчала и Адель, горящий взор которой отражал мрачное торжество. Скрестив руки на груди, молча ждала она, что скажет он далее.

– Я видел все, – продолжал Густав. – Я стоял у дверей, когда это самодовольное ничтожество, это грязное насекомое Марков накинулся на вас с упреками... Каким великолепным тоном указали вы ему на его место! Сколько ледяного презрения было в вашем голосе, в вашем жесте... О, вы не можете уважать его! Но как же после этого вы отдаетесь ему, как можете вы пользоваться от него хоть чем-нибудь? О, дай же мне разгадать тебя, мой прекрасный, жестокий сфинкс! Кто ты?

Король был почти хорош в этом страстном отчаянии, в этом скорбном восторге, с которым простер к Адели руки. Но она отступила от него на шаг, как бы боясь его объятий, и с сухим смешком ответила, иронически покачивая головой:

– Кто я? Вы удивляете меня, ваше величество! Я – «развратная Гюс», актриса, которую вы, ваше величество, не решились пригласить в стокгольмскую труппу, боясь испортить нравы «доброего, старого Стокгольма». Я – и «сфинкс»! Что же такого загадочного, непонятного нашли вы во мне теперь? Ведь еще недавно я была почтена получением от вашего величества точнейшей характеристики моей развращенной натуры. И вдруг загадка! Ничего загадочного, ваше величество, ровно ничего! Все та же старая история! Кто больше заплатит – тот и владеет «развратной Гюс»! Марков заплатил – он и владеет. Но, может быть, вам, ваше величество, благоугодно будет назначить более высокую цену? Не стесняйтесь, пожалуйста! Давайте торговаться; может быть, я найду ваше предложение выгодным!

Густав посмотрел на нее, словно не слыша ее оскорбительных слов, и страстно продолжал:

– Когда я узнал, что с новым русским послом приехала в качестве метрессы Аделаида Гюс, мною овладели и презрение, и гнев. Я подумал, что вы, должно быть, действительно никогда не чувствовали ко мне ни малейшей симпатии, если решились на такой шаг. Но вот я встретился с вами. Я хотел показать вам, насколько я презираю обманчивую мечту прошлого, хотел заговорить с вами в снисходительно-небрежном тоне и подчеркнуть им все свое равнодушие... Но с каким испугом, с каким негодованием проскользнули вы мимо меня! И я в первый раз усомнился в своей правоте... А потом эта игра, этот порыв страсти в мою сторону... Была ли это только игра? Не оттолкнул ли я легкомысленной рукой величайшее счастье от себя? Я пошел к вам в уборную, чтобы попытаться прочесть на вашем лице мучившую меня разгадку, и застал сцену с Марковым. И вдруг в моем мозгу молнией пронеслась мысль: «Ведь она не уважает его и все-таки отдалась ему. А ведь Марков вовсе не так богат, чтобы Гюс, перед которой склонялись сильнейшие мира сего, руководилась одним лишь расчетом. Но зато Марков был назначен посланником в Швецию»... И я подумал: «А вдруг ее кинуло в объятия Маркова желание повидать того, кто, как она говорила, был первой благоуханной сказкой ее жизни?» О, я сам вижу, сам чувствую, сколько здесь противоречий! Но у меня мозг готов разорваться

от мучительной тревоги... Адель, кто же ты? Что было только что там, на сцене? Бросила ли артистка женщину на колени перед безразличным ей лицом или женщина прорвалась сквозь артистку, увидев лицо, не безразличное ей? Не мучь меня, Адель, ответь! Скажи, где же ты – в жизни или на сцене?

Взоры короля с лихорадочным нетерпением устремились на бледное лицо Гюс, на котором, казалось, боролись самые противоположные чувства: то словно полымя страсти озаряло, то вспыхивал оскорбленный задор.

Вдруг оба вздрогнули: в коридоре послышались звон колокольчика, торопливые шаги и голос сценариста: «На сцену! На сцену!».

Лицо Адели сразу окаменело в презрительной неподвижности и, глубоко склоняясь в иронически почтительном реверансе, она сказала:

– Вот вам и ответ, ваше величество! Провиденциальный, но верный. Я – на сцене, ваше величество, только на сцене, и туда в данный момент призывают меня мои обязанности!

– Нет! – крикнул король, простирая к Адели объятия. – В тебе говорят упрямство, оскорбленное самолюбие! Я не уйду отсюда, пока ты не ответишь прямо и честно на мой вопрос!

Адель ловко увернулась в сторону, проскочила мимо короля к дверям и оттуда кинула:

– В таком случае вашему величеству придется долго просидеть здесь, в уборной. Ну, а я пока что отправлюсь играть!

V

После третьего акта Адели поднесли грандиозный букет цветов. Вскрыв приколотую к ленте записочку, она подошла ближе к рампе и с подчеркнутой аффектацией послала Маркову обеими руками воздушный поцелуй, а король Густав побледнел и нахмурился. Через несколько минут он встал и вновь отправился за кулисы. Но, когда он постучался в дверь уборной Адели, камеристка ответила ему, что барышня переодевается и не может никого принять.

Мрачнее тучи вышел оттуда король, и всем сразу стало ясно, что наступил один из тех моментов, когда от короля можно ожидать какой угодно выходки. Действительно он так резко оборвал свою супругу Софию Магдалину, что у той даже слезы выступили на глазах от незаслуженного оскорбления. Затем ни с того ни с сего король накинулся на подвернувшегося ему прусского посланника, графа Ностица, и заявил последнему, что он, король, больше всего на свете ненавидит нюхателей табака и немецкий язык. Граф Ностиц, страстный нюхальщик, был известен своей дерзостью, не знавшей никаких границ, и в данном случае он вполне оправдал свое реноме.

– У каждого свой вкус, ваше величество! – сухо ответил он, дерзко глядя королю прямо в лицо. – Вот я, например, больше всего на свете ненавижу таких шведов, которые упиваются грогом до потери сознания и усматривают для себя честь в смешном обезьянничании с французов!

Короля так поразила эта наглая дерзость, что он не нашелся, что ответить, но, по его приказанию, Ностицу уже на следующее утро были вручены его паспорта с предложением немедленно оставить пределы Швеции. Одновременно, как докладывал своему правительству Марков, «упивающийся грогом Густав III» послал своему державному дядюшке, «нюхающему табак Фридриху II», категорическое требование избавить Стокгольм от Ностица. В ответ на это Фридрих приказал вручить паспорта шведскому посланнику, барону Отто фон Мантейфелю, и между обеими державами воцарились такие натянутые отношения, которые некоторое время вызывали опасения за прочность мира. И ведь никто не знал, что причиной этих дипломатических осложнений явилась, сама не подозревая этого, Аделаида Гюс!

Но одним Ностицем дело на этот раз не ограничилось. Многим ближайшим придворным пришлось в этот день испытать на себе гнев Густава. Не избег этого даже граф Шеффер, бывший гувернер Густава и затем один из самых близких ему государственных деятелей. В результате королевская семья уехала из театра еще в середине четвертого акта. Но, как перешептывались в театре, король уехал отдельно от супруги.

Адель имела один из тех потрясающих успехов, перед которым смолкает все – злоба, личные счеты, сплетни. Самые непримиримые враги Адели из труппы должны были согласиться, что к такому таланту неприменимы обычные мерки и что на Гюс-артистку нельзя переносить то негодование, которое можно было бы иметь против Гюс-женщины и человека.

По окончании пьесы к Адели в уборную вошли несколько артисток и артистов и стали просить ее позволить им чествовать славную победительницу товарищеским ужином. Адель была очень растрогана, перецеловалась с товарищами, искренне поблагодарила их, но просила, чтобы они отложили пирушку на следующий день. Сегодня она чувствовала себя утомленной – ведь она вела все четыре акта сплошь на нервах, и теперь реакция дала себя знать. Она, Адель, была бы плохой гостьей на веселом пиру: уже теперь у нее смыкаются глаза, и она только и думает, как бы добраться поскорее до кровати.

Адель и на самом деле ощущала острую необходимость остаться одной. О сне она, разумеется, даже и не думала; наоборот, она знала, что долго не заснет в эту ночь. Но ей необходимо было тщательно обдумать все происшедшее и выработать дальнейший план действий. Густав

уже «сидел на крючке», это было видно по всему. Но как сделать так, чтобы он не сорвался в решительный момент? А потом Марков... Что, собственно, означают этот букет и покаянная записка? Подобный образ действий был не в его обычном духе. Да, тут надо было все тщательно обдумать, чтобы потом действовать наверняка!

Полная этими думами Адель в сопровождении Розы спустилась вниз. Небо было густо обложено тучами, шел мелкий дождь, и в тусклом свете театральных фонарей неясным силуэтом обрисовывался кузов одинокой кареты. Роза крикнула, кучер тронул вожжами, и карета подъехала к подъезду. Выездной лакей в кожаном плаще-дождевике, совершенно скрывавшем его лицо, соскочил с козел, распахнул дверцу и помог Адели подняться на подножку. В этот момент послышался взволнованный голос Розы:

– Барышня! Да ведь это...

Однако ее голос прервался, словно ей сразу зажали рот.

Адель хотела обернуться, но лакей сильным, ловким движением втолкнул ее в карету, захлопнув дверцу, и в тот же момент кучер ударом бича заставил лошадей взять с места в полный карьер. От толчка Адель упала на сиденье. Ища опоры, она раскинула руки и вдруг коснулась чего-то теплого, мягкого: в карете был еще кто-то!

– Что это? – испуганно крикнула она. – Боже мой! Кто здесь?

– Бога ради, не пугайтесь! Это – я, Густав! – ответил ей знакомый глухой голос.

Вся кровь хлынула Адели в голову.

– А, это – вы, ваше величество? – с негодованием крикнула она. – Что же это такое? Насилие? Обман? Прикажите сейчас же остановиться и выпустите меня или я выбью стекла и стану кричать! И помните: я лучше убью себя и вас, чем позволю восторжествовать в таком наглom обмане! Остановите же карету! А, вы не хотите? Ну, так берегитесь!

Она размахнулась, чтобы выбить ударом кулака окно кареты, но Густав, уже освоившийся в темноте, заметил ее движение и успел поймать ее за кисти рук.

– Бога ради, не волнуйтесь! – с мольбой в голосе сказал он. – Вам ровно ничего не грозит! Как могли вы подумать, будто я способен на предательство, на засаду ради удовлетворения измененной страсти? Нет, Адель, нет, дорогая! Только поговорить хотел я с вами! Я хотел лишь попытаться разрешить свои сомнения, которые тяжелым гнетом навалились мне на сердце. Мне пришлось пуститься на несколько экстраординарный способ, но я не мог отложить этот разговор, а где же было мне увидеться с вами? Я не хотел подвергать ни себя, ни вас излишним нареканиям и потому предпочел этот путь. Но, если вы не хотите облегчить мои страдания и намерены по-прежнему оставаться в упрямом, молчаливом озлоблении, если вы не хотите отвечать мне, то – клянусь вам! – это будет моей последней попыткой. Никогда больше не подойду я к вам, никогда не заговорю с вами о прошлом и буду молчаливо доживать свою безрадостную жизнь... Хотите этого? Вот я выпускаю ваши руки! Вы свободны. Там висит конец сонетки, дерните за него, и кучер сейчас же остановит лошадей!

Адель чувствовала, что Густав находится на высшей степени нервного напряжения. Пере-тягивать струны было бы очень опасно.

– Прежде всего, куда вы меня везете? – сухо спросила она.

– Но... никуда собственно. Я просто хотел поговорить с вами в карете, где нас никто не может подслушать или подглядеть.

– Но о чем же нам говорить, ваше величество? – с горечью возразила Адель. – Разве между нами не все сказано? Разве не постановили мы безапелляционного приговора над «распутной Гус»? Вспомните последние строки вашего письма ко мне, государь! О, я наизусть помню его; ударами хлыста горят в моей душе его фразы! «Я не жду от вас ответа! Он не нужен – о чем нам говорить, что нам выяснять?» Правда, я все же ответила вам, но этим тема была уже окончательно исчерпана... Ваше величество! Я понимаю, полнота власти приучает монархов быть капризными! Но неужели ничто не может тронуть вас? Неужели страдания оскорбленной

женской души так ничтожны в ваших глазах? То вам ничего не надо выяснять, то необходимо что-то выяснить! Полно, ваше величество! Неужели для вас ничего не свято?

– Но вы не хотите предположить, что, быть может, именно ваш ответ пробудил во мне сомнения, прав ли я был; что эти сомнения все время не давали мне покоя, что под влиянием последних событий они еще более обострились. Да, вы правы, Адель, полнота власти приучает монархов быть капризными, даже больше – быть бессердечными. Вы – тоже монархиня... королева искусства, королева красоты, перед которой склоняется весь мир.

– И которая не смогла урвать для себя от жизни хоть одну минуту счастья! – страдальчески сказала Адель, безнадежно опуская руки.

Густав схватил и страстно пожал их.

– Но ты сама гонишь его прочь! – воскликнул король, сбиваясь на сердечное «ты». – Вот я стою с мучительной тревогой перед твоей загадочной душой, всеми силами стараюсь разгадать ее, а ты лишь обиженно морщишь лоб и упрямо надуваешь губки. А ведь я с такой мольбой спрашиваю тебя: «Девушка! Кто – ты?»

– Иначе говоря, вы требуете от меня оправданий, ваше величество? Никогда не унижусь я до этого! Если человек любит меня действительно, пусть любит и берет такой, какая я есть. Разве требую я, например, отчета в вашем прошлом? Разве я спрашиваю вас, почему вы не остались чистым в ожидании девицы Гюс? Полно! В тот самый миг, когда Иван и Марья обмениваются признаниями, в тот самый миг, когда они сплетаются в первом любовном объятии, все прошлое умирает, и, что бы ни было в этом прошлом, оба они возрождаются чистыми и невинными для новой жизни. Вот как я понимаю любовь! Вы скажете, что в данном случае этим Иваном является его величество Густав III? Ну, так я отвечу вам, что в делах чувства я не признаю ни королей, ни королевской воли!

– Ты не справедлива ко мне, Адель! – сказал Густав, и легкая дрожь в его голосе выдавала, насколько волнует его этот разговор. – Нет, видит Бог, ты не права! Если бы я жаждал лишь мимолетной интрижки, преходящего обладания, я не стал бы относиться к прошлому женщины с такой тревожной серьезностью. Какое мне дело до этого прошлого? Я сорвал мгновенье низменного восторга, отдал дань капризу чувств – ну, и мимо! Но я никогда не был особенно склонен к таким интрижкам. Я ищу не женщину только, но и человека, ищу подругу, родственную душу. Как же я могу закрыть глаза на прошлое, если вижу в нем грозные признаки, если это прошлое заставляет меня сомневаться, способна ли желанная женщина быть для меня такой подругой?

– Если имеются сомнения, лучше отказаться от этой женщины!

– И этим отрезать для себя возможность к величайшему счастью.

– Ну, тогда... тогда следовало бы... рискнуть!

– Адель, я – король, а король – не только верховный вождь, но и представитель нации. Поэтому, оберегая достоинства сана, достоинства нации, король не имеет права рисковать смешным положением. Ты вот говоришь, что я требую у тебя отчета в прошлом. Нет, ты не так понимаешь это! Я не спрашиваю у тебя, почему ты любила многих, почему так часто меняла друзей. Я спрашиваю лишь, как могла ты отдаваться без любви, без чувства, как могла ты так открыто, так безжалостно обманывать людей? Вот в этом-то вся мучительная загадка для меня. Когда я вижу тебя, я сразу подпадаю под обаяние какой-то удивительной нежной чистоты, которая лучезарно струится от твоей души. Но стоит мне вспомнить, что ты могла отдаться Маркову, не любя, не уважая его...

– Скажите, пожалуйста, ваше величество, вы, должно быть, были страстно влюблены в датскую принцессу Софию Магдалину, если сделали ее своей женой?

– Адель! Король менее кого-либо волен в своих чувствах! При заключении брака им руководит политическая необходимость!

Адель рассмеялась сухо, отрывисто, горько.

– Вот видите, ваше величество, насколько для нас бесполезно пускаться в объяснения! Мы расходимся уже в самых основах. Вы исповедуете особую – королевскую – мораль; ну, а я нахожу, что и король, и жалкая комедиантка – только люди, поступки которых слишком часто диктуются необходимостью. Нет, наше объяснение совершенно бесполезно! Да и к чему оно? Не скрою, когда-то я была готова полюбить вас, когда-то я видела в вас своего мессию и избавителя. Вы надломили это чувство, и его не склеишь теперь! Слишком много горечи накопилось в надломе. И все же я, пожалуй, готова удовлетворить ваше любопытство и рассказать вам о себе. О, вовсе не для того, чтобы сказать вам, будто я достойна стать вашей подругой. Эту честь я отклоняю от себя. Но я нахожу, что мужчинам всегда полезно слышать, как происходит падение женщины, которую они же роняют на землю и затаптывают в грязь! Да, я с удовольствием объясню вам, как случилось, что я всю жизнь стремилась к свету и оставалась во мраке и грязи. Но не сейчас: это мы отложим до следующего раза!

– Но почему?

– По причинам сугубо прозаического свойства. Во-первых, я устала, и тряска в карете вконец утомила меня. Во-вторых, стало холодно, а я легко одета. А в-третьих, я... просто голодна!

– Адель! – сказал король, и его голос звучал трогательной мольбой: – Несколько лет тому назад у меня была подруга, которая нежно любила меня. Ах, что за прелестное создание была моя Христина! Какой светлой, какой легкой казалась мне жизнь, пока она была со мной!.. Но Христина происходила из важной аристократической семьи, которая строго хранила честь дома. Она была Гилленстиерна, Адель! Беда была бы, если бы родные узнали о нашей любви! И вот, чтобы встречаться с Христиной без помехи, я устроил прелестное гнездышко. Я купил маленький домик, примыкающий с одной стороны к дому Гилленстиернов, а с другой – к гостинице, которую содержит сын моего любимого камердинера. Снаружи дом имеет совершенно необитаемый вид, но внутри есть две небольшие, уютные комнаты. В это тайное помещение ведут два входа: один – со двора, другой – из беседки сада Гилленстиерна. Кроме того, в конце коридора имеется дверь, которая ведет в личное помещение Ганса, хозяина гостиницы. Много хороших часов провели мы в нашем гнездышке с Христиной, и ни разу никто не видел ее лица!..

– Почему же вы разошлись?

– Она умерла в горячке... Но после ее смерти – тому прошло уже восемь лет – мое гнездышко поддерживается в прежнем виде. Когда мне становится очень тяжело на душе, я отправляюсь туда, провожу там несколько часов в воспоминаниях, иногда даже работаю там – ведь в этом гнездышке тайная политическая корреспонденция хранится в большей безопасности, чем даже во дворце! Адель! Позволь мне отвезти туда тебя! Клянусь, я не питаю никаких грязных замыслов! Просто там нам будет хорошо, и за ужином, в тепле, в полной безопасности от чужого любопытства мы кончим свой разговор! О, согласишься, молю тебя! Никто не увидит твоего лица, никто не будет знать, что ты была здесь. А я был бы так счастлив провести тебя в эти комнаты, озаренные сиянием моей первой нежной любви!

Сложные чувства зашевелились в душе Адели. Ее немножко трогало это признание и в то же время слегка колола ревность: ведь женщина ревнует и не любя! Но все это покрывалось волной острого презрения к Густаву. Вот таковы все они, эти негодяи-мужчины! О, она, Адель, – грязная, падшая, развратная, но, если бы она полюбила кого-нибудь, если бы была счастлива такой нежной, поэтической любовью, разве повела бы она первого встречного в место, «озаренное сиянием первой нежной любви»?

– Скажите, ваше величество, – спросила она, – а после смерти вашей Христины там бывали другие женщины?

– Никогда!

– А вы не боитесь оскорбить память вашей Христины тем, что введете такую низкую женщину, как я, в комнаты, где, быть может, витает ее чистый дух?

– Нет, почему же? – просто ответил Густав, оставляя без внимания язвительную иронию вопроса. – Христина всегда желала моего счастья, и, если ее дух витает в этих комнатах, он не может быть оскорблен моими попытками отыскать вторую хорошую душу. Да, в этих комнатах вошло и закатилось однажды мое счастье! Как знать? Может быть, от нашего разговора там оно опять взойдет или вновь окончательно закатится!

– О, что касается меня, то при всем добром желании я не могу придавать этому разговору такое значение! – с ледяной иронией возразила Адель. – Однако я голодна, мне холодно, а потому я согласна. Но только помните, ваше величество: я требую уважения к себе как к женщине, никаких покушений.

– Как вы могли подумать! – воскликнул Густав. – Нет, что бы ни было, обещаю вам, Адель, быть благоразумным!

– Ну, так поскорее! – сказала Адель, откидываясь в угол. – Я действительно устала... Это далеко?

– Да нет, совсем близко!

Густав дернул сонетку, карета остановилась, лакей приоткрыл дверцу. Густав сказал ему несколько слов, и они сейчас же двинулись дальше.

«Он в моих руках! – с торжеством думала Адель. – Только надо вести себя умно. Ведь этот дурашливый королек признает любовь лишь под сентиментальным соусом! Побольше горечи, оскорбленного достоинства, в меру стыдливости и достаточное количество порывов страсти! Если только мне удастся угадать верную пропорцию всего этого, то готова ручаться, что чистый дух нежной Христины станет сегодня вечером свидетелем довольно забавной сценки! А тогда... Ну уж тогда тебе не вырваться, мой возлюбленный Густав!»

VI

После нескольких минут езды карета остановилась.

– Одну минуту терпенья! – сказал король. – Лакей пошел предупредить Ганса. Сейчас в комнатах зажгут огонь. Это делает сам Ганс. Но и он уйдет, приготовив все: никто не должен видеть лицо дамы, с которой я приехал!

Через несколько минут лакей почтительно распахнул дверцу. Густав выскочил из кареты первым и протянул Адели руку.

– Боже мой! Что за грязь! – воскликнула Адель, с ужасом всматриваясь в светлый круг, отбрасываемый на землю фонарем в руках лакея. – Совсем подходящее дело для моих открытых туфель!

Не говоря ни слова, Густав охватил Адель, поднял ее на руки и легко понес, словно маленького ребенка. Они прошли через узкую покосившуюся калитку во двор. Лакей освещал им путь фонарем. Теперь Густав шел уже по деревянному настилу, но все не спускал с рук прижавшейся к нему Адели.

Так дошли они до невзрачного деревянного подъезда. И здесь король не выпустил Адели, а стал подниматься с нею на лестницу.

– Но ведь здесь уже нет грязи! – заметила Адель, слабо улыбаясь.

– Я хотел бы всю жизнь нести тебя так! – страстным шепотом ответил король.

Они поднялись на второй этаж. В сером, невзрачном коридоре, скудно освещенном тусклой масляной лампочкой, виднелась дверь, перед которой Густав опустил Адель на землю. Гюс вошла в дверь и даже ахнула от неожиданности: уж очень силен был контраст между комнатой и внешним видом дома!

Комната, в которую она попала, была очень большая и высокая; однако масса роскошной мебели, картины выдающихся художников, дивной работы лампы, заливавшие комнату сильным, но не резким светом, придавали ей вид маленького, уютного гнездышка, а зелень цветущих растений, в изобилии расставленных повсюду, создавала отрадные для глаза пятна, мягко контрастировавшие с нежным тоном штофной обивки и портьер.

– Пройдите пока в соседнюю комнату, дорогая, – сказал Густав. – Здесь Ганс с женой сейчас накроют ужин, и им вовсе ни к чему видеть вас. К тому же вы, наверное, хотите опраться, а в соседней комнате найдется все необходимое.

Адель направилась в соседнюю комнату, но, открыв дверь, остановилась, словно пораженная ужасом.

– Что это? – негодуящим тоном крикнула она, указывая рукой вглубь комнаты, где в красноватых отблесках топившегося камина виднелась громадная, широкая кровать, опраренная к ночи.

– В чем дело? – удивленно воскликнул Густав, с испугом подбегая к Гюс.

– Что это? – повторила она, указывая рукой на кровать.

Густав укоризненно покачал головой.

– Бывало несколько раз, что, приезжая сюда отдохнуть и поработать, я оставался из-за дурной погоды ночевать. Поэтому Ганс всегда держит постель готовой, чтобы, когда бы ни приехал, я мог застать все в порядке. Что же такого ужасного, такого оскорбительного нашли вы здесь? Неужели вы могли подумать...

– Хорошо! – резко перебила его Адель. – Смотрите же, не заставьте меня обмануться в вас и в этом отношении, как я уже обманулась во многих других!

Она закрыла за собой дверь и с довольной улыбкой подошла к камину. Затем, с наслаждением опустившись в кресло и подставляя тело отрадной теплоте, она тихо смеялась над выражением лица Густава, изумленного этой неожиданно страстной отповедью... Да, все эти

дураки-мужчины до ужаса просты! Чем меньше они понимают женщину, чем больше поражают их контрасты ее настроений, тем глубже способны они увлечься. И в этом весь секрет власти над ними. Никогда не быть однообразной, никогда не выявлять перед ними истинного «я», вечно оставлять их в ожидании, что в любимой женщине осталось еще много нераспознанного – вот тайна женского могущества. И потому-то так часто бывает, что страстный жених быстро превращается в глубоко равнодушного мужа. Невеста с инстинктивным чутьем охотника, подманивающего добычу, бессознательно рассыпается перед ним целой радугой сложных чувств и настроений, и жених жадно и страстно стремится проникнуть в тайну ее «я». Но вот добыча взята в полон, и жена уже ничем не старается казаться. Ее «я» оказывается для мужа простым, понятным и... скучным. И паутина равнодушия покрывает места, где еще недавно цвели алые розы страсти!

Да, неожиданным, непонятным должно было показаться Густаву это негодование при виде приготовленной кровати! Он не знает, чем объяснить себе его: боязнью ли, проистекающей из отвращения к нему как мужчине, стыдливостью ли женщины, душа которой гораздо чище и лучше ее жизни, или мнительностью человека, которого не раз оскорбляли и который не хочет, чтобы на первый план выдвигался его пол! И теперь бедный, глупенький король будет тревожно ждать ее появления. Наверное, он ждет, что она опять будет резкой, негодующей, иронически пренебрежительной в обращении с ним. Нет, она, наоборот, выйдет смущенной, робкой, тихой и кинет ему такой ласково-манящий взгляд, от которого у него по телу побегут мурашки. И когда он окончательно будет сбит с толку противоречиями, контрастами, неожиданными переходами, тогда достаточно будет одного ее взгляда, жеста, слова и...

Дурачок! Он хотел что-то выяснить, что-то решить, но, ничего не выяснив, ничего не решив, как раб, упадет к ее ногам!

Однако для этого надо быть сильной, быть во всеоружии! Ее сила, ее оружие – красота! Ну, так – за вооружение!

Адель вскочила, взяла из корзиночки длинную лучину и зажгла ею от камина свечи на туалетном столе и у большого трехстворчатого зеркала. Она тщательно осмотрела себя и осталась довольна. Как хорошо, что на ней это простенькое темное платье! Большой вырез так заманчиво-дразняще обнажает самое начало красивых линий груди, а кружевная оборка вокруг со скромным бантиком посередине придает ее лицу что-то наивно-девичье, молодит ее! И как выгодно оттеняет темный цвет платья белизну кожи, а скромный покрой – гибкость и пластичность форм!

Но прическа не годится! К чему это сложное сооружение? Надо что-нибудь простое, девичье.

Адель села к туалетному столу, распустила волосы, которые золотым каскадом рассыпались по плечам, и свернула их простым, тяжелым узлом. Вот так! Хорошо! Право, в таком виде ей не дать больше двадцати лет! Скромная провинциалочка, впервые очутившаяся в большом свете и наивно раскрывающая чистые глазенки... Ха-ха! Вот это-то и нужно этим развратным мужчинам! Наивность, чистота – лакомый кусочек!

А теперь еще одно! В арсенале могущественных средств ароматы занимают важное место! О, с каким умом, с каким тонким расчетом должна выбирать их женщина! Для каждого отдельного случая нужен отдельный аромат, специальная смесь. Аромат и привлекает, и отталкивает... О, как осторожна должна быть женщина в обращении с духами!

Свет свечей и кровавые отблески камина миллионами радужных брызг играли в гранях хрустальных пробок массивных флаконов. Вот роза, цветок желанья, вот мускус, яркий факел чувственности, вот вкрадчивый, лстивый гелиотроп, наивно-жеманная сирень, пьянящая яблоня, грубовато-добродушное, бодрящее сено... Немножко того, несколько капель этого... Вот так!

Адель достала платок и намочила кончик его в хрустальном блюдечке, где была приготовлена нужная смесь. Затем она протерла себе грудь, глубоко запуская платок за вырез. Так! А теперь – к огню! Теплота отнимает у духов их резкость, их наглую навязчивость; аромат как бы впитывается в поры кожи, и только по временам при движении от тела вдруг отделяется пряная волнующая струя!

В дверь постучали. Послышался голос Густава:

– Стол накрыт, дорогая! Готовы ли вы?

В ответ ему донеслось робко, смущенно:

– Я сейчас... Простите...

Стол был накрыт действительно по-царски. Массивное, тяжелое серебро, вазы, в которых прихотливая грань стекла соперничала с богатством рисунка металла, монументальные подсвечники – чудо скульптуры, тонкое полотно – все удивительно гармонировало с пестротой тонов мясных и рыбных закусок, с нежной окраской фруктов, с цветными искорками граненых винных графинов.

Густав и Адель сидели рядом, пили и ели с аппетитом и оживленно разговаривали. И не раз король с тревогой посматривал на артистку. Только что была она весела, только что дарила его восторженными взглядами! И вдруг затуманилась, вспыхнула, разразилась гневливой, ничем не вызванной фразой... А потом опять стала робкой, смущенной... опять тот взгляд, от которого все темнеет в глазах...

Боже, сколько загадочного, сколько страдальческого в этой женщине! И ее-то называют холодной кокеткой, развратной тигрицей? Как злы люди, как легко впадают они в злословье там, где может быть место лишь восторгу и преклонению!

У Адели гневом блестели глаза, вся она – была негодование...

– Женщины! – воскликнула она. – Что может быть несчастнее их? Лучше быть рабом-мужчиной, чем свободной женщиной! Женщина не имеет права называться человеком; ведь все – иное для нее, чем для мужчины. Я не говорю уже о законе; но возьмите хоть мораль, нравственность! Мужчина, не ведавший любви, не познавший женщины, – огородное чучело, белая ворона, какая-то помесь дурака с уродом. Чтобы не быть этим чучелом, он должен соблазнить женщину, а она в глазах общества считается из-за этого потерянной, обесчещенной. Одно и то же деяние возвышает мужчину и унижает женщину... И так во всем! У меня мозг готов лопнуть от негодования, когда я думаю обо всем этом! – она вдруг откинулась на спинку стула и уже совсем другим, застенчивым, смущенным тоном продолжала: – Много негодующих слов накопело у меня в душе, но... Ах, это вино! Что за предательский дух таится в нем! Он обволакивает, вкрадчиво обнимает и заставляет вопль гнева сменяться улыбкой нежности... Нет, сегодня я не способна злобствовать, как всегда. Вы – чародей, государь! Достаточно мне было провести с вами какой-нибудь час, и многое оттаяло у меня на душе. Не хочется думать о своей несчастной жизни, о безрадостном будущем. Впрочем, это и понятно: ведь я так устала... устала и физически, и нравственно. Ведь так тяжело вечно быть одной и в каждом мужчине видеть лишь прирожденного обидчика и врага! Ну, а физически... Сегодня был для меня трудный день! Столько волнений!.. – Она с глубокой нежностью посмотрела в глаза Густаву, и ее рука, безвольно опускаясь вниз, мимолетной лаской скользнула по его руке. – Вы уж извините меня, но я встану! Вот та кушетка уже давно манит меня!

Адель встала и, подойдя к кушетке, в томительной позе полуприлегла на нее.

«Теперь или никогда!» – пронеслось у нее в голове.

Расположившись на кушетке так, чтобы придать телу наиболее манящий изгиб, она мечтательно оглядела комнату. Прямо против нее на стене висел большой портрет прелестной женской головки. Кто это? Уж не Христина ли? Да, наверное, она! Об этом говорили стебли увядших роз, прикрепленных к раме.

Какой чудный портрет! Наверное, рука большого мастера рисовала его! Быть может, Густав нарочно выписал из-за границы какого-нибудь большого художника, который только за тем и приезжал, чтобы увековечить на полотне неизвестную ему девушку. Чудный портрет! И какой дивный оригинал!..

Бесконечно милое лицо с нежным овалом и большими, наивными, добрыми, веселыми глазенками! Почти ребенок еще...

«Да, ты умерла вовремя, Христина... умерла в пору весны своей любви, пока еще не успела обмануться и разочароваться. Что случилось бы с тобой, если бы ты дожила до этих пор? Должно быть, давно уже померкли бы розы твоих щек, и каким сумрачным стал бы взгляд этих наивных глаз! А теперь ты улыбаешься... вечно улыбаешься!»

Свет нагоревшей свечи дрогнул, и Адели показалось, будто портрет хитро подмигивает ей...

Да, надо действовать!

Она перевела взор на Густава. Вот сидит этот большой дурачок, сидит и не знает, что ему делать с собой. Неудержимо тянет его подойти к кушетке, на которой так живописно раскинулось роскошное, желанное тело. И в то же время он боится двинуться!

«Я помогу тебе, дурачок!»

– Ах, – лениво сказала Адель, по-кошачьи потягиваясь. – Как манит меня этот дивный виноград! Но я так устала, так не хочется двигаться с места!

Густав поспешно сорвался с места, опрокинул на скатерть бокал красного вина, схватил художественно расписанную тарелочку, положил на нее большую гроздь винограда и поставил на низенький столик около кушетки.

– Вы так любезны! – смущенно сказала Адель. – Собственно я хотела черного винограда, но с удовольствием съем и этого!

Густав снова сорвался с места, схватил всю вазу и перенес ее на столик. Благодарностью ему был такой нежный взор, что он вспыхнул; одну минуту казалось, что он не совладает с собой и бросится к девушке. Но он поборол вспышку страсти, отошел к столу, залпом выпил большой стакан вина и затем вновь вернулся к Адели.

– Дорогая, – сказал он, – ведь вы обещали рассказать мне про свою жизнь!

– Вы непременно хотите этого? – с ласковой грустью ответила она. – Ах, мне так тяжело!.. Да и нужно ли это? Но вы хотите этого, а сегодня я ни в чем не могу отказать вам. Ну, так присаживайтесь и слушайте. Но что вы делаете? – крикнула она, полупривскакивая при виде того, как Густав положил на пол подушку и собрался сесть у ее ног.

– Не отгаликивайте меня, я так несчастен! – с тихой мольбой сказал он, положив к ней на колени свою голову. – Что дурного делаю я?

– Ах, а вы обещали мне быть благоразумным! – пробормотала Адель, словно невольно опуская закинутую руку и поглаживая ею Густава по голове. – Ну, Бог с вами! Но только... если вам не трудно... убавьте свет! А то эта лампа светит мне прямо в лицо... Ну, а когда раскрываешь душу, свет отпугивает.

Густав погасил все лампы и оставил лишь два восьмисвечника. Но и их он отнес в противоположные углы комнаты. Затем он вернулся на свое место.

– Ну, слушайте! – начала Адель, снова поглаживая Густава по голове. – Только предупреждаю – не ждите от меня оправданий, обеления себя... знаю, что я скверная... но и несчастная тоже! – Она вздохнула и продолжала: – Я была еще совсем маленькой девочкой, когда моя мать – она была тоже артисткой – заметила во мне искры сценического дарования. Она стала заниматься со мною, и с детства я привыкла слышать, что на моей карьере мать строит все наше будущее благополучие. При этом мать, не стесняясь, поучала меня, как я должна вести себя впоследствии, и еще девочкой я познакомилась со всей грязью жизни. Я очень рано сформировалась, и Бог один знает, сколько гнусных предложений наслушалась я еще ребенком. Если

я благополучно сберегла себя до шестнадцати лет, то этому помогли как инстинктивное отвращение перед физической любовью, так и поучения матери, которая всегда говорила мне, что добродетель – это такой капитал, который нельзя дарить первому встречному, а нужно пускать в оборот в решительный момент за выгодные проценты!

– Какая гнусность! – с негодованием воскликнул Густав. – И это – мать?! Бедная вы!

– Да, это была родная мать... Когда мне нужно было получить дебют в театре, родная мать надушила, принарядила меня и отправила на растление к маркизу Гонто, королевскому интенданту... Не могу описать вам, как скверно я себя чувствовала! Я готова была наложить на себя руки! Но мало-помалу во мне стало пробуждаться какое-то особое чувство. Я вообразила, что Гонто полюбил меня, и мое поруганное тело стало казаться мне священным. Ведь любовь – великая божественная тайна, и священен алтарь, на котором совершается она. Так думала по крайней мере наивная девочка. Но однажды, когда я встретила с маркизом в театре, я убедилась, что он даже не знает меня в лицо... Любовь! Какое кощунство!.. Долго после этого я не могла без ненависти смотреть на мужчину!

Она замолчала, как бы изнемогая под гнетом воспоминаний.

Густав страстно приник к ее руке и покрыв ее пламенными поцелуями.

– Я получила ангажемент в Россию, – продолжала Адель, нежно пожимая руку Густава. – Там я встретила Орлова, покойного фаворита русской императрицы. Он произвел на меня сильное впечатление, и, когда он стал домогаться моей близости, я отдалась ему. Что было мне беречь? И чего опасаться? Ведь любовь собиралась осенить меня своим священным крылом. Но однажды Орлов самым спокойным образом объяснил мне, что актрис любит лишь тот, кто не имеет достаточного капитала, а богатые лишь развлекаются с ними. Это были его подлинные слова! Но я все же не рассталась с ним. Я хотела окружить его любовью, вниманием, заботами и заставить полюбить меня. Этому не суждено было свершиться. Царица провела о нашей связи и велела распустить слух, будто я изменяю Орлову на каждом шагу. Не проверив этого, Орлов пришел ко мне и избил меня нагайкой, словно собаку. Я хотела сейчас же уехать из Петербурга, но тут умерла моя мать, а, пока я похоронила ее, мне удалось узнать, что Орлов собирается соблазнить прелестную молодую девушку, таинственную любимицу императрицы Катю Королеву. Я решила остаться, чтобы выследить Орлова и не дать ему овладеть девушкой, которую он собирался похитить. Я не успела: Орлов подсыпал жениху Кати яд, но его выпила из бокала жениха Катя и умерла. Я кинулась к императрице, представила ей доказательства преступления Орлова; однако она не только не наказала фаворита, но еще выслала меня из России... Вы можете себе представить, в каком состоянии я вернулась в Париж! Все во мне было опозорено, растоптано. К чему, ради чего берегла я себя? Ради чего старалась я быть лучше других женщин своей среды? Разве меня пощадили за это? Разве с моим добрым именем церемонились? И я действительно кинулась в безудержный разврат. Не скрою, порой мне это было бесконечно тяжело, порой я готова была рвать на себе волосы; но я заливала эти минуты отчаянья вином, развеивала разгулом. Я не могла остановиться: в минуту трезвого спокойствия я была способна наложить на себя руки. И вдруг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.